

Лариса Петровичева

Ведьма Западных пустошей

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Лариса Петровна
Ведьма Западных пустошей

«АЛЬФА-КНИГА»

2020

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Петровичева Л.

Ведьма Западных пустошей / Л. Петровичева — «АЛЬФА-КНИГА», 2020

В провинциальном городе серийный убийца с магическими способностями охотится на девушек. Ни улики, ни какой-то связи между жертвами полиция так и не нашла. Все девушки были очень разными. Но все же что их объединяет? Расследование начинают вести инквизитор Бастиан и могущественная ведьма Западных пустошей Аделин. Со временем они понимают: чтобы найти преступника, надо заглянуть в собственное прошлое.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Петровичева Л., 2020
© АЛЬФА-КНИГА, 2020

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лариса Петровичева

Ведьма Западных пустошей

Глава 1

Идущий во мраке

Мужчина был красив. Даже очень красив. Высокого роста, с идеальной фигурой мраморного античного бога, темноволосый и синеглазый, с четко очерченными губами и тонкими чертами лица, он не мог не привлекать. Он притягивал к себе взгляд, но за этим притяжением сразу же ощущалась какая-то странная неприязнь, почти брезгливость.

Такая бывает, если смотреть на насекомое. Сперва оно завораживает очертаниями и красками причудливых крылышек, но потом невольно замечаешь жало с дрожащей ядовитой каплей.

Девушка, которую он столкнул на край кровати, смотрела на него с мольбой и надеждой.
– Выпьешь? – Мужчина продемонстрировал бутылку светлого вина.

Девушка быстро закивала, словно ее согласие могло помочь ей освободиться. Мужчина плеснул вино в бокал, протянул девушке, и она сделала глоток, держа бокал за ножку дрожащими пальцами.

Так учат в пансионатах благородных девиц. Только ученицы там не трясутся.

Впрочем, учениц таких пансионатов не крадут среди оживленной улицы и не привозят в заброшенные дома. Это как-то... неправильно. Так не бывает.

И все-таки это было. Девушка сама не знала, что именно заставило ее улыбнуться этому мужчине, как давнему знакомому, и послушно сесть в его экипаж. А ведь матушка не раз предупреждала...

– Отлично, – кивнул мужчина. – Все правильно, все так и должно быть. Дети ответят за грехи отцов. Те, кто принес бесчестие и смерть, получают то же самое.

Девушка всхлипнула, пытаясь сдержаться и не впасть в истерику, но было видно, что ее колотит от страха. Она старалась казаться покорной – в этом была слабенькая надежда.

– Пожалуйста... – наконец прошептала она. – Пожалуйста, я прошу вас. Отпустите меня, я никому не скажу...

Мужчина ухмыльнулся.

– Не разговаривай со мной, – холодно приказал он и плавно провел рукой по воздуху. От его пальцев потянулись сверкающие голубые нити, опутали шею и запястья девушки и дернули ее к нему. – На колени.

Оцепенение не уходило. Мужчина снова провел рукой по воздуху, словно гладил невидимое животное, и девушка покорно сделала шаг вперед и опустилась перед ним на колени. Она понимала, что не сможет сопротивляться, звать на помощь, царапаться, кусаться. Она молилась лишь о том, чтобы все кончилось поскорее и мужчина с лицом и телом античного бога позволил бы ей уйти.

Она еще могла надеяться, что он позволит. Хотя в памяти уже плыли газетные заголовки: «Третья жертва неизвестного душегуба», «Четвертая жертва неизвестного душегуба», «Пятая жертва...».

Девушка никогда бы не подумала, что чудовище может быть таким. Не горбатым уродом с клыками и когтями, что смердит подвальной гнилью, а красивым и светским господином, от которого пахнет дорогими духами.

Монстрам ведь полагается быть совсем другими, правда?

– Барышня, – усмехнулся мужчина, устало запрокинув голову к высокому потолку – по фреске бежали трещины, этот дом давным-давно был пуст. – Милая барышня, которая хотела замуж. Хотела, правда?

Девушка всхлипнула. Все девушки хотят выйти замуж. Семья – это главное, но сейчас она невероятно отчетливо понимала, что у нее этого никогда не случится.

Вспомнилась тропинка, которая бежала среди полей. Ветерок скользнул по верхушкам трав. Девушка увидела себя – еще живую, еще свободную. Она шла рядом с тем, кого любила, и тогда все было хорошо.

– Шлюха, – устало сказал мужчина и мягко провел рукой по воздуху. Еще одна голубая нить отделилась от его пальцев, стремительно охватила шею девушки и сделалась красной, наполняясь кровью.

Ночью пошел дождь.

Когда Аделин поднялась на третий этаж, в свой кабинет, куда никому из обитателей дома не позволялось входить, то капли грохотали по карнизу так задорно и весело, что она, кажется, собственных мыслей не слышала. Закрыв за собой дверь, Аделин подошла к окну – сад тонул в дождевом мареве, и крыш поселка было почти не видно. Ну и ливень!

Она раскрыла тяжелые рамы, впустив в кабинет свежий прохладный воздух, пахнувший водой, зеленью и свежестью земли, и, взяв со стола медный тазик, выставила его за окно, собирая воду. Дождевая вода, сила небесная и земная, лучше всего подходила для того, что ей предстояло сделать.

Спустя несколько минут Аделин поставила тазик с водой на стол, села и некоторое время собиралась с силами, в очередной раз отгоняя от себя мысль о том, что она занимается чем-то недостойным. Да, ее благородный родитель никогда не одобрял занятий незаконнорожденной дочери, о чем говорил прямо: Аделин, за это инквизиция тебя по головке не погладит, пусть у тебя и разрешение есть. Не надо, дочка, займись чем-нибудь другим. Вон вышивай лучше, пальцы три месяца нетронуты лежат. И Аделин в очередной раз чувствовала себя маленькой, жалкой и слабой и уходила в комнату, где сидела на кровати, поджав колени к подбородку и думала: ну почему меня создали именно такой? Разве я просила родиться ведьмой?

Нет, она с удовольствием была бы обычной девушкой. Играла бы до поры в куклы, а не в корешки мандрагоры и птичьи перья, а потом вышла бы замуж за какого-нибудь приличного человека. И никогда не творила бы никакой магии, нет, ни за что.

– Не имеет значения, – сказала Аделин вслух. Бросила взгляд в зеркало, увидела в отражении светловолосую девушку с решительным бледным лицом. Правильные черты, красивые карие глаза, аккуратный нос – очаровательная невеста из нее бы получилась!

Но кто настолько смел, чтобы взять в жены ведьму Западных пустошей? Ее уважают, ей кланяются, у нее есть друзья и хорошие знакомые, но ни одна живая душа не рискнет сблизиться с ней по-настоящему. Аделин понимала это с раннего детства и не искала ни любви, ни искренней дружбы. Есть те, с кем можно поздороваться и поговорить о погоде – ну и хорошо.

Она опустила пальцы в воду, несколько раз провела по кругу, и вода забурилась, вскипела, потеряла прозрачность. В тазике перед Аделин появилась картинка: большой зал с высокими окнами и защитными иероглифами на мраморных стенах, длинный темный стол, за которым сидели настолько важные чинуши, что она невольно поежилась.

Аделин привычно отметила, что дождевая вода всегда делает картинку четче, чем обычная, из-под крана. Сейчас ощущение было таким, словно она сама стояла в этом зале.

Перед чинушами стоял мужчина. Молодой, не старше двадцати пяти, насколько она могла судить по осанке и рукам, щегольски одет, с идеально подстриженными и уложенными темными волосами, он стоял к ней спиной, и Аделин снова поежилась. От мужчины веяло

темной силой – несмотря на свою молодость, он был могущественным волшебником, пожалуй, намного сильнее тех важных господ, что сейчас оценивающе смотрели на него.

– Хм, да, Бастиан Беренгет... – прокашлялся один из важных господ; Аделин окрестила его пузаном и почувствовала озноб, услышав фамилию. – Вы приемный сын, м-да, такого важного человека, бывшего министра инквизиции, хм, да... Альвен Беренгет, м-да...

Ну что за манера говорить так, словно у тебя во рту каша или в седалище геморрой и тебе это страшно мешает!

– Да, – кивнул Бастиан. – Я его приемный сын.

Голос оказался приятным. Мягким, негромким, очень спокойным, но за этой мягкостью Аделин почувствовала удавку, готовую затянуться на ее шее. За ним были холод и тьма.

Ей представилось осеннее озеро, покрытое первым ледком. В темной воде что-то двигалось, и лед хрустел.

Впрочем, чего еще ждать от сына величайшего гонителя ведьм? Вряд ли он будет добряком и мякишем. Вряд ли он окажется способен на сочувствие и понимание.

– Где же ваш батюшка вас откопал? – осведомился второй, тощий и длинный как жердь. Он рассматривал Бастиана, как причудливый экспонат в музее, только что увеличительное стекло не достал.

Аделин невольно усмехнулась: дай ему волю, он притащит банку со спиртом и запечатает в ней этого Бастиана!

– На улице Чудес, – с долей беспечности ответил Бастиан, хотя было понятно, что ему не слишком приятно говорить об этом. – Я показывал фокусы с огнем и подпалил его шляпу.

Улица Чудес? Аделин понятия не имела, где это и что там происходит, но от названия отчетливо веяло какими-то гадкими ощущениями. Пузан покрутил в воздухе указательным пальцем и поинтересовался:

– А это, хм, ваше лицо, оно?..

Аделин почувствовала, что Бастиан напрягся, хотя это, в общем-то, было незаметно. Что же у него с лицом? Ожог? Фокусы с огнем не прошли даром?

– Мое лицо изуродовано, потому что калекам лучше подают, – с прежней беспечностью ответил он. – Особенно изувеченным детям. Это сделали те, кто купил меня у моей матери за четверть каруны. Но оно не помешало моему отцу увидеть мои таланты.

Значит, калека. Уродец. Трудно было в это поверить, глядя на его идеальную осанку, костюм с иголочки и прическу – с такой куафер работает каждую неделю, подравнивая и правильно укладывая волосы. На мгновение Аделин позволила себе пожалеть этого Бастиана. Только на мгновение.

– Вы очень на него похожи, – заметил третий господин, которого Аделин не сразу заметила, настолько он был блеклым и неприметным. Не человек, а моль, сложившая суставчатые лапки на сером животе. – Выражение лица, жесты... наряд. И смотрите вы так же.

Бастиан усмехнулся.

– Для меня честь – быть на него похожим, – с холодным достоинством ответил он. – И я надеюсь, что похож на него не только в манерах, но и в делах.

– Хм, да. Вы молоды, но опыт, хм, да, впечатляет, – кивнул пузан. Поворошил стопку бумаг на столе. – Поэтому вы и подали это прошение, м-да!

Аделин с трудом сдержалась, чтобы не дать щелчка по водной глади, настолько пузан раздражал ее.

– Шесть девушек из благородных семейств изнасилованы и убиты в Западных пустошах за полгода, – произнес Бастиан. – Обстоятельства дела говорят о том, что убийца – маг, причем стихийный и очень могущественный. Я прошу назначить меня следователем и отправить туда.

Некоторое время важные господа молчали. Аделин чувствовала, как по спине бежит холодок, а волосы на руках поднимаются дыбом. Ведьминское чутье в ней истошно кричало: опасность! Опасность! Спасайся, беги же! Не медли!

Бастиан чем-то напоминал ей берунийского пса – мифическое трехглавое чудовище, которое всегда настигает свою жертву.

– Принесете нам его голову, юный Беренгет? – предположил жердь. – Не посрамите памяти вашего достойного родителя?

– Принесу, – кивнул Бастиан. Пузан снова принялся копаться в бумагах, и Аделин внезапно поняла: вся эта каша во рту – всего лишь маска. Именно он здесь самый опытный и главный, именно он все решает.

– Что ж, м-да... – протянул пузан. – Отправляйтесь. Говорите, ваш отец учил вас охоте на ведьм?

Бастиан вновь утвердительно качнул головой. Аделин впервые за долгое время подумала, что дела плохи. Очень плохи.

– Учил. Потом я продолжил обучение в Академиуме инквизиции. Получил золотой диплом.

– Тогда мы пожелаем вам удачи, – серьезно сказал жердь. – Отправляйтесь сегодня же.

Бастиан развернулся и пошел прямо на Аделин – на какое-то мгновение его лицо заняло все водное зеркало, и она оцепенела, взглянув в него.

Бастиан Беренгет был бы красавцем – темные глаза с густыми ресницами, ровный нос, высокие скулы – если бы не старые шрамы, которые поднимались от бровей к вискам и от уголков рта к глазам через щеки. Зрелище действительно пугало. Аделин отодвинула тазик, хлопнула по воде, и картинка исчезла.

Дождь шел все сильнее. Казалось, великан, обитатель небесного острова, забыл закрыть кран в своей ванной и теперь сам не знает, что делать с потопом и как укротить ревущую воду.

– Должно быть, тебе хорошо подавали, – негромко сказала Аделин, вспомнив шрамы Бастиана. – Такому-то уроду!

В сумрачной тишине ее голос прозвучал нарочито звонко и от того испуганно.

«А ведь он догадается, – подумала Аделин. – Он все выяснит, такие никогда и ничего не упускают».

Этот щеголь с модной стрижкой, розовым бриллиантом в булавке шейного платка и изуродованным лицом мог разрушить ее привычную жизнь. Мог прийти и растоптать все то, что она создавала с таким трудом.

Когда-то Аделин обещала отцу, что справится, и отец ей верил. Настолько верил, что оставил поместье своей дочери-ведьме, незаконнорожденной. Настолько верил, что поручил ей защищать самое дорогое, что у него было.

И Аделин знала, что справится.

У нее не было другого выхода.

Когда отец входил в комнату, Бастиану казалось, что в ней вспыхивает еще одна лампа – яркая, ясная, теплая.

Альвен Беренгет был невысокого роста, очень изящный, похожий на фарфоровую куклу, которую маленький Бастиан однажды видел в витрине. Но за этой кукольной внешностью скрывался негибемый характер, сила и достоинство. Чутьем, что развилось в нем за несколько лет, проведенных на улице Чудес, Бастиан понимал, что его отец – самый опасный хищник, которого можно встретить.

Знаток магии и артефакторики. Безжалостный и опытный охотник на ведьм. Человек, который в других обстоятельствах убил бы его без малейших колебаний.

Но он не убил. Он любил и жалел, он заботился, и Бастиан вечерами плакал в подушку от того, что наконец-то стал кому-то нужен по-настоящему. Это было счастьем – недоступным, неслышанным и обретенным. Это было сном, который не растаял после пробуждения.

Однажды Бастиан долго смотрел в зеркало на багровые рубцы своих шрамов, а потом увидел, что отец стоит за его спиной и тоже смотрит. Не так, как зеваки, для которых он был уродом, тарасились на Бастиана: отец смотрел так, словно шрамов не было. Словно перед ним был обычный мальчик без малейшего увечья.

– Их можно разглядить? – спросил Бастиан с надеждой. Отец ведь знаток волшебства, он может все! Он ведь вернет ему прежнее лицо!

– Да, но не нужно, – ответил отец. – Пусть они исчезнут, но никто никогда не забудет, что они были. И ты не забудешь. В них твоя сила, Бастиан, так что носи их с достоинством. Они сделали тебя тем, кто ты есть.

Отец считал, что в Бастиане изначально не было ни капли магии: она пробудилась в нем после того сильнейшего душевного потрясения, которое вызвало нанесение шрамов. Магия переполняла его – пульсировала в кончиках пальцев, поднимала волосы дыбом, выплескивалась с дыханием, и отец научил владеть ею и умирять ее. Отец научил жить с магией и не бояться такой жизни.

«Это он сделал меня тем, кто я есть, – думал Бастиан. – Он вернул мне меня».

Поезд летел в Западные пустоши – отдаленный регион, в котором просто положено слушаться всякой дряни. Отец всегда говорил, что волшебство в столице более смирное и законопослушное, зато в глуши разворачивается во всей своей злобной красе. Протянув руку, Бастиан взял со столика папку с документами и еще раз пролистал донесения по делу.

Шесть невинных дев из благородных семейств, над которыми надругались и перерезали горло направленным магическим ударом. Полиция Пустошей рыла носом землю, но ни улики, никакой связи между жертвами так и не нашла. Да, девушки знали друг друга – а как не знать, если они принадлежат к одному социальному кругу и живут в маленьком городке? Все они были очень разными. С дагерротипных снимков на Бастиана смотрели блондинки и брюнетки, светлокожие и смуглые, худенькие и полные: найдешь, что их объединяет, – найдешь и убийцу.

Ни один из столичных следователей не хотел брать дело. Охота была тащиться в этот медвежий угол? Бастиан вцепился в дело, как сказочный берунийский пес, ему казалось, что это та самая возможность проявить себя по-настоящему. Показать, что отец не даром учил его и теперь мог бы им гордиться. Все, чего Бастиан добился до этого, сейчас казалось ему незначительным и неважным.

Поезд пошел по мосту. Бастиан приподнялся на своей полке, посмотрел в окно: внизу лежала темно-синяя гладь Барванского озера с белыми клочками парусников. Когда-то они с отцом провели полгода в курортном поселке на его берегу: Бастиану требовался свежий воздух после легочной жабы. И они гуляли в этих сосновых лесах и однажды поймали ворсу – мелкую лесную нечисть, похожую на сердитого серого кота с перепонками между пальцев. Бастиан тогда испугался так, что спрятался за отцовскую спину и вышел только тогда, когда ворса тихим мелодичным голосом пообещал подарить им яркие камешки за свою свободу.

Бастиан до сих пор хранил эту маленькую аметистовую друзу, которую с испугом и восторгом взял из мохнатой лапки. Отец тогда выпустил ворсу, и тот мигом забрался на дерево и смотрел на них удивленными глазами-плошками, негодуя, как это его, независимую лесную нечисть, кто-то сумел изловить...

Мост остался позади – теперь поезд шел среди соснового леса. Бастиан снова вытянулся на полке и прикрыл глаза.

Он проснулся оттого, что поезд стал замедлять ход и в конце концов остановился. Бастиан сел, посмотрел в окно – леса остались позади, поезд замер среди изумрудной зелени

лугов. Солнечный свет начал меркнуть. На небе по-прежнему не было ни облачка, но мир быстро терял цвета, становясь угрюмым и серым, как старая картина, которая заросла пылью настолько, что утратила краски. Вскоре все погрузилось в дымчатый непроглядный сумрак, и в купе загорелась лампа на артефакте, которая, впрочем, почти не рассеивала тьму.

Бастиан ждал, равнодушно прищелкивая пальцами и чувствуя, как под кожей скапливается энергия для удара. Может, и не понадобится – и хорошо, если не понадобится. Сейчас ему не хотелось сражаться. Он собирался просто добраться до Западных пустошей без приключений.

Поезд дернулся, вагон подался назад и тотчас же нервно ринулся вперед. Где-то далеко завизжала женщина – протяжно, на одной ноте, и визг внезапно оборвался. Бастиан услышал стук – кто-то колотил в дверь купе в начале вагона. Поезд снова вздрогнул, словно пытался сбросить что-то с крыш вагонов, и воздух наполнился запахом гари, к которому примешивался острый запах болотной травы.

«Вымрак, – с прежним равнодушием подумал Бастиан, – больше некому, только он так смердит».

Он вспомнил свою первую встречу с вымраком: тогда ему было двенадцать, и он хотел спрятаться куда-нибудь и не высовываться до конца дней своих, настолько это было жутко. Но Бастиан справился, и отец впервые посмотрел на него не просто как на сына – как на опытного и умелого бойца, равного себе.

Он навсегда запомнил уважение в отцовском взгляде. Хранил его в памяти, как величайшее сокровище.

Тьма сгущалась, она клубилась густым дымом, пахнувшим кровью и костром, а потом тьму пронзила черная молния, и прямо над головой загрохотал гром.

Вымрак вошел в купе, вымрак был чернее любого мрака. Бастиан видел его какую-то секунду, не больше, но память сохранила облик чудовища во всех подробностях. Он был тьмой, которая не ведает ни пощады, ни жалости, он пришел упиться страхом живых душ, в его черноте рождались и умирали созвездия, и Бастиан увидел тоненькую нить, оплетающую его шею – на нити были нанизаны живые пульсирующие миры, и его планета тоже была там: он различил знакомые очертания материков на зелено-синем шарике.

А потом Бастиан поднялся и протянул руку в сторону этой тьмы. Рука налилась пульсирующей тяжестью, и Бастиан отправил сверкающий золотом сгусток энергии в самую сердцевину вымрака.

В следующий миг его отшвырнуло в сторону так, что он чуть не пробил собой стенку вагона. С хрустальным шелестом осыпалось стекло, по шее побежала кровь, и Бастиана бросило снова. Тьма за клубилась рядом с ним, она еще была сильна, тьма хотела слизывать живую кровь из ран и...

И вдруг все закончилось. Заклинание сработало, и мир погрузился в блаженную тишину.

Бастиан лежал на полу, чувствуя, как болит изрезанная осколками шея, купе заливалось солнечным светом, и поезд как ни в чем не бывало ехал себе вперед, словно его не затапливала дымная тьма, и никто не умирал в этой тьме, захлебываясь криком.

От вымрака осталась лишь грязная лужа на полу и мертвая женщина в соседнем вагоне. Бастиан поднялся, сел на свою полку и устало провел ладонями по лицу, подумав, что надо бы позвать проводника, чтобы прибрал тут.

Ладно, успеется.

Папку с бумагами ворошил свежий ветер, влетающий в окно. Он нес запах трав и цветов, тепло и надежду. Лето всегда остается летом, несмотря на вымраков и серийных убийц.

«А ведь меня проверяли, – подумал Бастиан. – Слишком уж легко и быстро все вышло, я убил вымрака, словно на тренировке. Меня хотели проверить в деле».

Но кто?

Он вытянулся на полке и закрыл глаза. После выбросов энергии Бастиану всегда хотелось спать.

Бастиан редко видел сны, но сейчас его увлекло в яблоневый сад, наполненный солнцем и светом. Еще зеленые яблоки висели на ветках, как звезды, в воздухе плыл терпкий запах сухих трав, над землей с визгом носились стрижи. Светловолосая девушка в платье цвета слоновой кости шла рядом с Бастианом, и он еще подумал: неужели это очередная жертва?

Он никогда не видел ее лица – упрямого, красивого, решительного. Это была девушка, которая сама управляла своей жизнью, жила так, как считает нужным, и не собиралась никому кланяться. Бастиан любил таких, энергичных и смелых, – безвольные барышни, которые всегда подчиняются родительскому решению и не имеют ни одной собственной мысли в голове, были ему не по душе. Он прекрасно понимал, что никогда не сможет поладить с ними.

«Еще одна жертва», – подумал Бастиан и ощутил пронзительную жалость.

На плече девушки сидел маленький сыч, смотрел на Бастиана так, словно собирался немедленно убить и съесть и его, и всех его близких. Это выглядело настолько забавно, что он не сдержал улыбки. Ручной сыч, надо же! Такое может быть только во сне.

– Вы пленница этого дома, – сказал Бастиан. Откуда взялись эти слова, он не знал, но понимал, что это самое главное, что он сейчас может сказать этой красивой, упрямой и несчастной девушке. – Куда ваше сердце зовет вас на самом деле? Сердце, не долг. Вы слушаете его хотя бы иногда?

Сыч потоптался на ее плече и сердито распушился, стал похож на лохматый комочек гнева. Возмущенно пискнул: дескать, как смеет этот уродливый наглец говорить в таком тоне? Кто он такой вообще, откуда свалился на наши головы? Девушка выглядела не менее сердитой – одарив Бастиана опаляющим взглядом, она ответила с плохо скрываемым раздражением:

– Уж точно не в ваши объятия!

Бастиана это не удивило. Он давно привык к тому, что любая девушка предпочтет старого развратника, но с лицом без шрамов, чем его – богатого, щедрого, но изуродованного ножами рабовладельцев с улицы Чудес.

– Да спаси меня Господь от такого ужаса! – весело воскликнул Бастиан, и девушка развернулась и посмотрела на него с таким забавным возмущением и обидой, что он невольно рассмеялся – и в следующий миг уже целовал ее. И девушка, которая задохнулась было от гнева, почти сразу же откликнулась на его поцелуй.

Сыч издал громогласный вопль, полный презрения и ненависти, и улетел. Бастиан прижал незнакомку к себе – острые локти, теплое тело, нежные ключицы, светлые волосы, упавшие на плечи, – и подумал, что никогда еще не был настолько счастливым и несчастным одновременно.

Как и эта гордая и несчастная девушка в его руках. Она тоже была счастлива, он это чувствовал всем сердцем...

– Милорд?

Бастиан открыл глаза – в дверях стоял проводник, держал в руках швабру. От вымрака не осталось и пятен на полу.

– Инеген через четверть часа, милорд, – сказал проводник с опасливым уважением. – Не замерзли?

Бастиан покосился в сторону разбитого окна. Осколки стекла были оплавлены – верный знак магического нападения. Значит, вымрак ему не приснился, он действительно сражался с чудовищем и победил его. В купе было свежо, день клонился к вечеру.

Интересно, застанет ли он кого-нибудь в полицейском участке? Или в Инегене поздно приходят на службу и рано уходят с нее?

– Не замерз, – ответил Бастиан и, притянув к себе сумку, убрал документы по делу. – Все в порядке, спасибо.

Проводник кивнул и закрыл дверь.

Бастиан до сих пор чувствовал ласковое тепло девичьего тела в своих руках. Ему редко что-то снилось, и он забывал сны сразу же, как только просыпался, но этот сон впечатался в его разум так, словно это было воспоминание: яркое, дразнящее, безнадежное.

Он посмотрел в окно – впереди лежали черепичные крыши Инегена. Тонкий шпиль собора царапал небо, солнце ласкало зелень многочисленных садов.

На мгновение Бастиану показалось, что он видит сыча, летящего над городом.

Когда господин Марк Арно, полицмейстер Инегена, говорил с Аделин, то ей казалось, что он думает о том, как бы договориться о свадьбе. Не с ним, разумеется, господин Арно был давно и прочно женат на даме, которая имела колоссальный вес, гренадерский рост и красноречивое прозвище Медведиха, но у него был младший сын, и его до сих пор ни к кому не пристроили.

И стоило Аделин прийти в полицейский участок, чтобы продлить регистрацию, как господин Арно начинал заводить пространные разговоры о том, что негоже молодой девице из благородного дома быть все время одной, и хозяйка-то она замечательная, и никто о ней дурного слова не скажет, так что не пришла ли пора подумать о тех приятных вещах, которые такой девице может предложить супружество с достойным молодым человеком... Аделин улыбалась, клятвенно обещала как-нибудь зайти на ужин и поближе познакомиться с Арно-младшим, с которым пока лишь обменивалась приветствием при встрече на улице, а затем забирала желтую книжечку регистрации и уходила.

Иногда ей казалось, что это какая-то игра, в которую они с полицмейстером играют просто от провинциальной скуки. В конце концов, девушке положено быть замужем. Особенно если эта девушка владеет большим домом и землями, а на счетах у нее миллион карун отцовского наследства, которое постоянно преумножается от грамотного вложения в ценные бумаги.

Входя в полицейский участок, Аделин предчувствовала знакомые разговоры и мысленно вздыхала, готовясь давать те ответы, которые успели ее утомить. Что ж, игра есть игра, таковы ее правила... Но, подойдя к открытой двери кабинета господина Арно, она вдруг застыла, словно наткнулась на невидимую преграду.

– ...конечно, мы окажем всяческую помощь. – Господин Арно говорил сдержанным и серьезным тоном, как правило, такой тон появляется тогда, когда говоривший получил пресловутую ведерную клизму с иголками. – Бумаги по делу у вас уже есть, но я предоставлю вам наши документы. Очень хорошо, что вы приехали, господин Беренгет.

Аделин прижалась к стене, радуясь, что участок по вечернему времени пуст и ее никто не видит. В ногах поселилась предательская слабость. Значит, это Бастиан Беренгет. Уже приехал. Что же делать-то, Господи?

Она молилась очень редко, но сейчас готова была упасть на колени и просить, чтобы небеса сжалились над ней.

– Прекрасно, – услышала Аделин знакомый голос, похоже, столичный инквизитор устал с дороги. – Я должен провести допрос родственников и осмотреть дома. Кстати, что за ведьма топчется у вас в коридоре?

Почуял, устало подумала Аделин. Еще бы он не почувствовал, берунийский пес. Он натаскан чують таких, как она, чують и уничтожать. На мгновение ей показалось, что на шее сомкнулись тяжелые челюсти, круша кости и чавкая кровью. Господин Арно выглянул в коридор, ободряюще улыбнулся, и Аделин вдруг поняла, что надо делать.

– А, это госпожа Аделин Декар! – ответил он преувеличенно бодро, и Аделин вошла в кабинет, стараясь, чтобы ее вежливая улыбка не выглядела оскалом загнанного в угол животного. – Вы на перерегистрацию, госпожа Декар?

– Да, господин Арно, добрый вечер. – Аделин прошла к столу полицмейстера, протянула книжку и только после этого обернулась к столичному гостю и непринужденно сказала: – Здравствуйте.

Вблизи Бастиан выглядел еще более отталкивающим. Почему он не хочет разглядеть эти шрамы? Или они ему нравятся и нравится то впечатление, которое он производит на людей? Молодой мужчина – и такой урод. Впрочем, он был инквизитором, а это намного хуже любого уродства.

– Ведьма, – произнес Бастиан, пристально глядя на Аделин – так, словно где-то уже видел ее и теперь всматривался в знакомые черты. – Сильная природная ведьма.

– Я зарегистрирована с пятнадцати лет, как и положено по закону, – с достоинством ответила Аделин, глядя ему в переносицу. – Ни в чем дурном и злонамеренном не участвовала. Если у инквизиции есть ко мне вопросы, я с удовольствием на них отвечу.

Губы Бастиана дрогнули в улыбке, сделав его изуродованное лицо еще страшнее. Аделин невольно поежилась. Господин Арно тем временем расписался в ее книжке, поставил печать и сказал:

– Вот и все, Аделин, жду через месяц.

Аделин протянула было руку за книжкой, но столичный гость перехватил ее и принялся лениво перелистывать странички. Аделин заметила, как напрягся господин Арно за своим столом, и почувствовала, как по спине ползет капля пота.

Эта уродливая тварь подавляла ее – и испытывала от этого удовольствие. В животе заворочался тугой комок тошноты, и Аделин испугалась, что сейчас упадет в обморок.

За что он с ней так? Она не сделала ничего плохого! Или он в самом деле *чувет*?

– Декар, Декар... – задумчиво повторил Бастиан, перелистывая книжку. – Это ведь на ваших землях нашли четвертую жертву?

Взгляд темных глаз был холодным и пронизывающим, словно Бастиан пытался заглянуть в душу. Аделин кивнула.

– Да, но убита она была в другом месте. Тело подбросили.

Полицмейстер тоже закивал, всем своим видом показывая, что так и было.

– Хорошо, – Бастиан кивнул, протянул ей книжку и приказал: – Подождите меня снаружи, я задам вам пару вопросов.

Аделин поняла, что вышла из участка только тогда, когда Кусь опустил на ее плечо и осторожно взялся клювом за мочку уха. Кусь никогда не влетал в полицейский участок, предпочитая ждать хозяйку снаружи, сидя на спинке скамьи с самым свирепым и неприступным видом и раздражаясь гневными воплями, как только кто-то имел наглость к нему подойти. Аделин почесала голову сыча кончиком пальца и вспомнила, как отец говорил, что друзей надо держать близко, а врагов еще ближе.

От этого врага ей хотелось держаться подальше, но она понимала отцовскую правоту. Пусть лучше он все увидит сам – увидит так, как она покажет ему, – а не придет в ее дом с саблей наголо, чтобы рубить головы.

Бастиан вышел через четверть часа. В одной руке он нес дорожную сумку, в другой – несколько папок с полицейским гербом. Он удивленно поднял бровь, посмотрев на Куся, а затем кивнул, словно ожидал увидеть именно сыча.

– Собственно, я хотел спросить, есть ли у вас сова, – улыбнулся он, и изувеченное лицо на мгновение сделалось вполне располагающим. – Как ее зовут?

– Кусь. Это он, а не она, – ответила Аделин, и сыч распушился и надулся: он возненавидел столичного следователя с первого взгляда. Впрочем, не родился еще тот человек, который пришел бы Кусю по душе; Аделин не в счет.

– Прелестное имя, – усмехнулся Бастиан, и они неторопливо пошли по улице в сторону главной площади. Посмотреть на них со стороны – гуляет милая парочка. – Почему именно такое?

– Дайте ему палец, который не жалко, и увидите почему, – ответила Аделин. Больше ей хотелось поинтересоваться, почему он спрашивает ее про сына.

– А, кусается, – понимающе кивнул Бастиан. – Что же ты, Кусь, так суров?

Сыч издал возмущенный вопль, от которого разлетелась стайка воробьев.

– Интересуетесь птицами? – любопытствовала Аделин. Бастиан улыбнулся.

– Видел вас с ним во сне, когда ехал сюда, – неожиданно признался он. – Красивая девушка с сычом на плече посреди яблоневого сада. Сад, я так полагаю, у вас тоже есть?

Летний вечер был теплым, но Аделин мазнуло холодом по спине. Мало того что инквизитор, знаток магии, способный обуздывать ведьм, – так он еще и сноходец. Человек, которому сны могут открывать прошлое и будущее, только надо уметь их направить.

Впервые за несколько лет она почувствовала, что не справится. От этого стало больно и жутко.

– Да, сад есть, – ответила Аделин. – Возле забора нашли Магду Геверин. Мой брат ее увидел, и мы вызвали полицию.

Магда Геверин была рыжеволосой болтушкой, собиралась замуж за адвоката – тот, впрочем, недолго горевал о такой потере, два дня назад успел с кем-то обручиться. Однажды Магда заговорила с Аделин в магазине тканей – после разговора у Аделин гудело в ушах, а голова болела от переизбытка сплетен и новостей.

– В деле написано, что ваш брат нездоров, – сказал Бастиан с той мягкой деликатностью, которой Аделин не ожидала. Не от него, во всяком случае.

Она кивнула.

– Да. Я его опекун после смерти отца. Большую часть времени он вполне разумен, но иногда у него бывают припадки наподобие эпилептических.

Говоря об этом, Аделин понимала, что сама роет могилу и себе, и брату. Сейчас столичная дрянь вцепится в него, вытряхнет признание и увезет в тюрьму, потом Уве выведут на площадь и казнят, а Бастиан повесит орден на грудь.

– Он не покидает дом. – Аделин надеялась, что говорит об этом не слишком торопливо и ее слова не звучат как оправдание. – Изредка выходит в сад, за ним постоянно следят наши слуги.

– Разумно, – кивнул Бастиан. – Вы ведь сильная ведьма, Аделин. Одна из самых сильных, каких я встречал. Убийца – стихийный маг, судя по тому, как перерезаны шеи у девушек. Что вы чувствовали, когда он убивал их? Только не говорите, что ничего. Такой выплеск энергии не прошел бы мимо вас.

Запястья налились холодом – так, словно их заковали в наручники. И сразу же пробудилось то упрямство, которое заставило Аделин гордо вскинуть голову и ответить:

– Ничего. Накануне убийств Уве слег с приступом, а тогда я думаю только о нем. Рада бы вам помочь, но я действительно ничего не замечаю в такие дни.

– Даже так... – задумчиво произнес Бастиан и вдруг посоветовал: – Не надо так дрожать, Аделин. Я не желаю вам зла, можете мне поверить.

Лицо дрогнуло словно по своей воле – будто бы со стороны Аделин увидела себя и поняла, что презрительно ухмыляется.

– Бастиан Беренгет, сын своего отца, – почти выплюнула она. – Сын гонителя и убийцы таких, как я. Вы не желаете мне зла, конечно.

Бастиан усмехнулся.

– Мой отец посвятил жизнь борьбе со злом, – холодно сказал он, но за этим холодом трепетал огонь. Вечер переставал быть томным. – Да, он убивал ведьм – тех, у которых руки

были в крови по локоть. И я делаю то же самое, и это честь, а не стыд и горе, как вы полагаете. Это вы убили девушек?

Аделин остановилась, чувствуя, как воздух комкается в горле, не давая дышать. Гнев пульсировал в висках, пальцы наливались тяжестью. Сволочь такая, да как он смеет!

– Нет, – глухо ответила она и только сейчас увидела, что в глазах Бастиана плывут мягкие огни – словно русалки водили хороводы с фонариками в темной воде. Аделин казалось, что она падает.

– Ваш брат?

– Уве? Нет. – Аделин поняла, что готова разреветься. Она не могла отвести взгляд, и Бастиан смотрел в ее душу, в темную воду, в тоску и одиночество.

«Не смейте так говорить», – хотела сказать Аделин и не смогла. Не хватило ни сил, ни характера.

– Тогда вам нечего меня бояться, – доброжелательно сказал он, и наваждение растаяло. Инквизитор исследовал ведьму, не нашел в ней ничего интересного, и Аделин считала, что этому надо радоваться. Но не могла. – Но еще одно такое слово о моем отце – и я вас придушу.

– Понятно, – прошептала Аделин. На нее вдруг нахлынули запахи, звуки, краски. Они стояли на площади, у памятника королю Георгу Победоносному, на площадке для танцев играл маленький оркестр, и из раскрытых дверей гостиницы неслись голоса и звон посуды: слуги сервировали ужин для постояльцев на свежем воздухе под бело-голубыми зонтиками.

– Тогда будем считать, что договорились, – улыбнулся Бастиан, и Аделин подумала, что, если бы не эти шрамы, на которые так испуганно косятся девушки, он был бы очень хорош собой. – Может быть, чашку кофе?

– Нет, – ответила Аделин, и притихший было Кусь завозился на ее плече, прикидывая, стоит ли выцарапать глаза понаехавшей сволочи сейчас, чтоб не лезла к людям со своими угощениями, или лучше отложить это приятное дело до завтра.

– Тогда до встречи. – Бастиан перехватил сумку поудобнее и пошел в сторону гостиницы. Глядя ему вслед, Аделин прошептала:

– Чтоб тебя ворса заел...

– Не заест, госпожа Декар! Я с ними приятельствую! – звонко ответил Бастиан. К лицу Аделин прилила краска, и она испугалась, что следователь обернется.

Но он не обернулся.

Разложив вещи в шкафу и приняв ванну, Бастиан решил выйти на свежий воздух. Летний вечер был теплым и светлым, и проводить его в гостиничном номере, пусть и уютном, было бы неправильно. Он спустился на первый этаж, купил у регистратора карту Инегена и прилегающих поселков и, выйдя на улицу, прошел к веранде.

Свободные места нашлись сразу же. В столице к внешности Бастиана уже успели привыкнуть, но здесь он был чудовищем, и на него таращились в открытую. Кто-то особо впечатлительный стучал пальцами по виску, отпугивая нечистого. Девушки перешептывались, глядя на него с любопытством, сочувствием и страхом. Их достойные матушки смотрели оценивающе, словно пытались подсчитать, сколько денег у Бастиана на счетах.

«Много, – подумал он, махнув официанту. – Вы даже не представляете, насколько много».

– Анетт, не надо так таращиться, это неприлично, – услышал Бастиан опасливый шепот и обернулся.

Благородное семейство, которое ужинало куриными ножками в меду, сразу же уткнулось в тарелки. Отец заговорил о ценах на репу.

Во взгляде официанта, который торопливо подошел к его столику с книжкой меню в руках, не было ничего, кроме желания услужить. Бастиан заказал карпа с овощами, пряными травами и рисом, чашку кофе и в ожидании ужина развернул карту.

Итак, Инеген. Маленький красивый городок, который словно создан для того, чтобы рисовать виды для туристических открыток. Летом сюда приезжают туристы, которым нужен свежий воздух, сосновые леса и вкусная еда. К западу от Инегена лежат два озера... интересно, почему убийца не утопил в них трупы?

«Потому что работает напоказ, – подумал Бастиан. – Он хочет, чтобы убитых девушек увидели именно такими: изувеченными и оскверненными».

Может ли убийца быть туристом? Садист и маньяк, который работает в разных регионах, поэтому его пока не могут поймать? Вынув маленькую записную книжку, Бастиан быстро оставил заметку карандашом: дать запросы по полицейским участкам страны, искать дела со схожим почерком.

Кофе оказался как раз таким, как он любил: в меру горьким, в меру сладким. Карп тоже был выше всяких похвал, светлое мясо так и таяло во рту. Горожане испуганно смотрели, как Бастиан ест, и он вспомнил, что именно такими взглядами на него таращились на улице Чудес. А он жонглировал огненными шариками, смеялся, ловил монетки, которые в него бросали, улыбался в ответ на брезгливые полуулыбки барышень и верил, что однажды все изменится. Что еще остается, кроме веры?

Аделин Декар жила в поселке Итман – ее дом был обозначен на карте как «Поместье Декар, VIII век». Надо же, какая музейная древность; впрочем, где еще жить ведьме? Бастиан вспомнил ее гневно сверкнувшие глаза, светлый локон, выбившийся из прически, и подумал, что да, она ему нравится. Интересная девушка. И смотреть на нее приятно, и говорить с ней тоже.

Есть ли у нее жених, интересно?

– Вы позволите?

Бастиан оторвался от карты и увидел, что рядом с его столом стоит светловолосый молодой мужчина, и на него-то горожанки смотрели не как на урода, а как на торт в три яруса с кремом и фруктами. Холеный, светский, обаятельный незнакомец держался подчеркнуто уважительно, и Бастиан кивнул.

– Разумеется, присаживайтесь.

Блондин сел напротив – официант сразу же бросился к нему, но он лишь махнул рукой: ничего не нужно.

– Вы следователь, – произнес незнакомец, и Бастиан кивнул.

– Именно так. Бастиан Беренгет, к вашим услугам.

Блондин положил на стол визитку: Гален Дасти, издательский дом «Дасти», президент и генеральный директор. Визитка была из плотной дорогой бумаги с золотым обрезом, в лучшем столичном вкусе. Значит, пресса, куда же без нее. Бастиан вспомнил, что почти все газеты страны выходят в сети издательств этого достойного господина.

– Меня зовут Гален Дасти, – представился президент и генеральный директор, – и я был женихом покойной Адайн Сили.

Шестая жертва. Бастиан отстраненно подумал, что Дасти не выглядит убитым горем. Может, уже ищет новую невесту – все эти благородные леди и джентльмены, которые сейчас смотрят на них с таким любопытством, не выпустят такую лакомую добычу из рук.

Богатые красавцы недолго ходят холостяками – их мигом берут в оборот.

– Соболезную вашей потере, – сказал Бастиан. Гален кивнул.

– Я готов обеспечить вас всем, что потребуется, – произнес он. – Найдите эту мразь.

Сейчас его голос прозвучал очень искренне и горько: рана болела, просто Гален не подавал виду. Похоже, Гален Дасти был из той породы людей, которые хранят свои подлинные чувства очень глубоко в душе, не выставляя напоказ ни скорбь, ни радость.

– За этим я и приехал, – ответил Бастиан. – Кто еще, кроме вас, ухаживал за Адайн?

Гален пожал плечами. Бастиан всмотрелся в него так, как учил отец: нет, ни следа магии, даже остаточного. Самый обычный человек, который лечит головную боль пилюлями, а не при помощи магических кристаллов.

– Она только вышла в свет, – сказал Гален. – Я сделал предложение почти сразу, но на балах она танцевала со всеми здешними молодыми людьми. Ничего предосудительного, в таких городках все цветы растут в одном саду. Все дружат и ходят на пикники.

– Вы нездешний, – заметил Бастиан. Местный не сказал бы об этом городке с такой снисходительной улыбкой. Гален кивнул.

– Провел много лет в столице, а потом решил развивать прессу и книжное дело в регионах.

– Значит, вернулись в родные места?

Гален снова кивнул. Барышни, которые шли мимо веранды, посмотрели в его сторону с искренним сочувствием, а потом заметили Бастиана и резво прибавили шаг. Нежные пальчики постукивали по вискам, отгоняя нечистого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.